

Jak Marriten

РАЙ НА РЕПИТЕ

A decorative flourish consisting of a central starburst or floral motif with symmetrical, pointed extensions on either side, rendered in a dark red color.

Jak Marriten

Рай на репите

<https://litres.ru/73938919>

SelfPub; 2026

Аннотация

Какой день своей жизни ты хотел бы прожить снова и снова? Для Ильи Ростовцева ответ был очевиден: 23 мая 2026 года. Солнечный свет на веранде. Запах кофе и ванили. Жена, которая смеётся на кухне. Дочь, сбегаящая по лестнице. Абсолютное, безупречное счастье — именно то, ради которого можно умереть. Или заплатить любую цену.

Но когда этот день начинает повторяться — не в мечтах, а наяву, — Илья замечает то, чего не должен был заметить. Слишком ровные тени. Слишком одинаковые фразы. Слишком пустые глаза у любимых людей. И главное — ощущение, что за этим идеальным миром наблюдает кто-то, кто не хочет, чтобы он просыпался.

«Рай на репите» — это психологический триллер, притча и техно-антиутопия в одном флаконе. История о том, что абсолютное счастье — это самая изошрённая тюрьма, а выход из рая всегда лежит через боль. Но только через неё можно вернуться домой.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. День, который пахнет палёным.	6
Глава 2. Итерация 2: Трещина	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Jak Marriten

Рай на репите

Предисловие

Эта книга писалась не для того, чтобы её поняли. Она писалась для того, чтобы её прожили.

Ты держишь в руках девять фрагментов одного дня — дня, который повторяется, пока не сотрётся в пыль всё, что ты считал собой. Это не история о будущем, хотя в ней есть технологии. Не история о любви, хотя любви в ней больше, чем кажется. Это история о петле — о той петле, в которую мы затягиваем себя сами, когда отказываемся отпустить то, что уже закончилось. Каждый из нас хотя бы раз просыпался в собственном «раю на репите» — в отношениях, которые давно умерли, в работе, которая превратилась в ритуал, в воспоминаниях, которые мы прокручиваем, вместо того чтобы жить дальше.

Разница лишь в том, что герой этой книги сумел заметить трещину и набрался смелости её расширить. Читатель — ты сам — волен сделать то же самое. Или не делать. Выбор, как всегда, остаётся за тем, кто смотрит в текст и видит там своё отражение.

Не благодари. Просто прочти.

Глава 1. День, который пахнет палёным.

Илья проснулся от тишины. Не просто от отсутствия звуков — от той особенной, плотной тишины, которая звенит в ушах, когда привычный ритм мира ломается. Обычно ровно в пять сорок семь за окном начинал дрозд, и Илья, ещё не открывая глаз, уже знал время. Сегодня дрозд молчал. Он полежал минуту, глядя на потолок, где плясали тени от веток. Тени двигались неправильно: западный ветер тянул сквозняк из-под двери, а тени ползли навстречу, будто деревья за окном подчинялись иным законам. Он зажмурился, досчитал до десяти и открыл глаза. Тени замерли. Обычные, неподвижные тени. Илья выдохнул и сел на кровати.

Лена лежала рядом с закрытыми глазами, но дыхание её было слишком ровным — без тех лёгких всхрапов и задержек, которые Илья знал за пятнадцать лет. Он коснулся её плеча. Кожа была тёплой, но тепло казалось внешним, как от грелки, а не живым. Лена медленно открыла глаза. В первую секунду её взгляд прошёл сквозь него, остановившись на стене за его спиной, где ничего не было, кроме бледных обоев в цветочек. Потом глаза сфокусировались, и она улыбнулась. Улыбка была той же, что и всегда, но Илья готов был

поклониться: мышцы включились с задержкой, словно сигнал от мозга шёл дальше, чем нужно.

— Доброе утро, — сказала Лена, и голос её прозвучал нормально. Вполне нормально. Никаких искажений, никаких потусторонних обертонов. Илья сказал себе, что это недосып, магнитные бури, что угодно. Но он не верил в это. Он верил своим ощущениям, а ощущения кричали: что-то здесь не на своём месте.

Она встала и пошла на кухню. Шаги правильные, халат накинут как всегда, волосы убраны в небрежный пучок тем же движением. Но она не зевнула. Ни разу. А она всегда зевала по утрам, прикрывая рот ладонью, — привычка, которую он знал столько же, сколько её саму. Илья подождал, пока она выйдет, и прислушался. С кухни доносилось шипение масла, знакомое, но ритм был другим. Обычно Лена выкладывала сырники и ждала, пока треск стихнет — творог охлаждал сковороду. Сегодня шипение не прерывалось, словно сырники лежали там вечность, впитывая жар, но не подгорая. Он встал и, не одеваясь, прошёл на кухню. Лена стояла спиной, у плиты, и не обернулась, хотя обычно слышала его шаги за три метра. Он кашлянул. Она повернулась.

И на секунду — он готов был поклясться — это было не её лицо. Черты те же: нос, губы, скулы. Но за ними не было Лены. Не было того, что он привык называть её присутствием. Как будто смотришь в окно, видишь своё отражение, а за стеклом — пустота, и понимаешь, что с той стороны ни-

когда никого и не было. Потом лицо ожило, она улыбнулась и сказала:

— Сырники сегодня особенно удались. Чувствуешь запах?

Илья втянул воздух. Запах был — ваниль и что-то ещё, чего он не мог определить. Не лимонная цедра, которую Лена обычно добавляла. Что-то резкое, синтетическое. Он шагнул ближе и заглянул через её плечо на сковороду. Сырники выглядели нормально. Румяная корочка, творожная масса. Но запах не совпадал с картинкой. Это было похоже на плохо смонтированное видео, где аудиодорожка сдвинута на полсекунды.

— Пахнет странно, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал обыденно. — Ты что-то новое добавила?

— Ваниль, — ответила она и посмотрела ему прямо в глаза. Взгляд ясный, спокойный, но в глубине зрачков, в самой черноте, Илье почудилось движение — словно там плавало что-то микроскопическое, чужое. — И лимонную цедру. Как всегда.

Как всегда. Он кивнул и сел за стол. Через минуту она поставила перед ним тарелку — два сырника, присыпанных сахарной пудрой, и чашку кофе. Кофе правильного цвета, с лёгкой пенкой, идеальной температуры. Но на вкус — пресный, как картон, размоченный в воде. Илья сделал глоток и едва не поморщился, но сдержался. Может, рецепторы барахлят. Может, простуда. Может, что угодно.

— Вкусно, — сказал он. Лена улыбнулась и села напротив с чашкой зелёного чая. Она сделала глоток, и Илья заметил: чай в чашке не убывает. Она пила, глотала, а уровень жидкости оставался неизменным, будто чашка наполнялась сама собой в момент глотка. Он смотрел на это, и холодок пробежал по спине — медленный, как струйка воды за воротник. Он ничего не сказал, просто отвёл взгляд в окно.

За окном было солнце, липы качались под ветром, всё выглядело идеально, но в этой идеальности таился изъян. Небо было слишком синим — не просто ярким, а насыщенным до кислотности, как будто кто-то наложил фильтр и выкрутил насыщенность на максимум. Тени от деревьев — слишком резкими, с гипертрофированными краями, словно их вырезали ножницами и наклеили на траву. И тишина — та самая, что разбудила его, — по-прежнему стояла за всеми звуками, как чёрная подкладка под цветной тканью.

Он доел сырники — вкуса так и не почувствовал, — допил кофе и пошёл одеваться. В спальне остановился перед зеркалом и долго смотрел на своё отражение. Лицо как лицо: морщины у глаз, седина на висках, щетина. Но ему показалось, что отражение реагирует с задержкой — он поднял руку, и человек в зеркале поднял на долю секунды позже. Он опустил руку и прижал ладонь к стеклу. Отражение повторило жест синхронно. Илья выдохнул. Игра воображения. Стресс. Но отчего? Он не мог вспомнить конкретную причину — работа, кредит, будущее дочери, новости, — но

поводов всегда хватало. Даже если сейчас он не мог назвать ни одного.

Алиса. Он вдруг понял, что ещё не слышал её шагов, не слышал, как она спускается по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, как хлопает дверь в ванную. Была суббота — он вспомнил это с усилием, словно вытаскивал факт из густого сиропа, — и в субботу Алиса обычно спала дольше. Но не настолько, чтобы в доме стояла мёртвая тишина. Он подошёл к двери её комнаты и прислушался. Ни звука. Ни дыхания, ни шороха одеяла, ни скрипа кровати.

— Алиса? — позвал он, постучав. Тишина. Он постучал громче. — Алиса, ты встала?

— Да, пап, — ответил голос из-за двери. Голос был Алисин, но какой-то пустой, как запись на автоответчике. — Я сейчас спущусь.

Он постоял ещё секунду, вслушиваясь. За дверь не было ни шагов, ни скрипа половиц. Только тишина, глухая и плотная, как будто после её голоса комната снова застыла. К горлу подступила тошнота, но он подавил её усилием воли. Не давать тревоге разрастись. Если он сейчас поддастся, закрутится воронка, и он ухнет в неё с головой. А такого он не мог позволить — не при Лене, не при Алисе. Он спустился на веранду.

Веранда была залита утренним солнцем, но свет был каким-то негреющим, декоративным, будто от лампы в фотостудии. Илья сел в плетёное кресло — то самое, которое его

позвоночник считал идеальным, — но сегодня кресло показало жёстким, чужим. Он взял с подлокотника вчерашний журнал, пролистал несколько страниц — текст не удерживался в памяти, буквы расползались, как муравьи. Он отложил журнал и закрыл глаза.

И тогда он услышал это. Звук, которого здесь быть не могло. Тихий, на грани слышимости, гул. Не электрический, не механический — органический, как дыхание огромного зверя, спящего глубоко под землёй. Гул шёл отовсюду и ниоткуда: из стен, из пола, из самого воздуха. Илья открыл глаза — и звук исчез. Закрыл — появился снова. Он проделал это несколько раз, как ребёнок, играющий с выключателем, и результат был тот же: с закрытыми глазами он слышал дыхание, с открытыми — нет. Он встал и вышел в сад.

В саду было прохладно, роса на траве ещё не высохла — капли блестели под солнцем, как осколки стекла. Илья прошёл босиком по газону, ощущая холодную влагу ступнями, и это принесло почти физическое облегчение: ощущение было настоящим, знакомым. Он постоял так, глядя на лес за забором, и вдруг заметил, что лес изменился. Деревья стояли те же — берёзы, ели, дубы, — но расстояние между ними было другим. Они стояли ровнее, чем он помнил, с геометрической точностью, как на плане, нарисованном архитектором, у которого не хватило воображения на естественный беспорядок. Илья смотрел на эту ровность, и внутри шевельнулось профессиональное чутьё: ошибки в текстах, несо-

ответствие масштабов, неправильные тени. Лес перед ним выглядел как плохо отрендеренный задник — вроде реалистично, но присмотришься: повторяющиеся паттерны, одинаковые сучья на одной высоте, одинаковый наклон ветвей.

Он отвернулся. Не смотреть. Не анализировать. Он не на работе, а у себя в саду, в загородном доме, куда они переехали три года назад ради тишины и чистого воздуха. Он сделал глубокий вдох — воздух был слишком чистым, без запаха земли, без хвои, без прелых листьев, которые должны были остаться с прошлой осени. Просто стерильная смесь кислорода и азота, как из баллона. Илья сглотнул и пошёл обратно в дом.

День катился странно, неравномерно. Он замечал это по теням на полу: они двигались не с той скоростью, иногда замирали на минуту, потом перепрыгивали на несколько сантиметров, будто солнце дёргалось по небу, как сломанный секундомер. Лена вела себя обычно — на первый взгляд. Но чем больше он наблюдал, тем больше замечал странностей. Она двигалась по дому как по маршруту, без мелких отклонений: задержаться у окна, поправить скатерть, взять с полки книгу и положить обратно. Она шла из кухни в гостиную, из гостиной в кабинет, из кабинета обратно, и каждый раз маршрут был одинаков до миллиметра, до угла поворота плеча. Илья понаблюдал за ней из-за угла, чувствуя себя идиотом, следящим за собственной женой, но не мог остановиться. Это было сильнее него — потребность найти тре-

щину.

И он нашёл её. Около полудня Лена накрывала на стол. Она взяла солонку, поставила, снова взяла и снова поставила. Повторила четыре раза — одно и то же движение, механическое, заикленное, как у куклы с заевшей программой. Илья подошёл и взял её за руку. Рука была тёплой, но на ощупь — как воск.

— Лена, с тобой всё в порядке?

Она моргнула, и на мгновение её лицо стёрлось. Нет, не физически. Черты остались, но будто размазались, потеряли чёткость, а потом собрались обратно, и она улыбнулась:

— Всё хорошо. Просто задумалась. Извини.

— Ты ставила солонку четыре раза.

— Правда? — она посмотрела на солонку так, будто видела её впервые. — Странно. Наверное, устала. Я прилягу ненадолго.

Она вышла, и Илья остался один. Солонка стояла на столе, и он смотрел на неё как на вещественное доказательство. Он не сумасшедший. Он видел то, что видел. Но что это означало — он не знал, и от этого незнания тревога росла, давила на внутренние органы. Он сел за стол и стал ждать.

Алиса появилась около часа дня. Она вышла из комнаты и спустилась по лестнице, но шаги были почти неслышными, как будто она не касалась ступней пола, а скользила над ним. Илья смотрел, как она входит в гостиную, и вдруг осознал, что не может определить цвет её глаз. Он знал, что должен

знать — он видел эти глаза двенадцать лет, — но сейчас, глядя в лицо дочери, он не мог назвать цвет. Карие? Серые? Зелёные? Память не выдавала ответа. Это было как пытаться вспомнить название фильма, который смотрел вчера: крутится на языке, но не даётся, и чем сильнее стараешься, тем дальше отступает. Он отвернулся, не в силах выдержать эту провальную пустоту.

— Пап, поиграем в «Колонизаторов» вечером? — спросила Алиса. Голос был её и не её одновременно. Слова правильные, интонация живая, но за интонацией — тишина, та самая, что стояла фоном во всём доме.

— Да, конечно, — ответил он, и собственный голос показался чужим. — Вчетвером? Ты, я, мама и дядя Коля? — Он осёкся. Дядя Коля? Кто такой дядя Коля? Слово вылетело автоматически, как будто он знал кого-то с таким именем, но сколько он ни рылся в памяти, никакого дяди Коли там не было.

— Дяди Коли нет, — сказала Алиса, и в голосе промелькнуло что-то странное — то ли раздражение, то ли испуг. — Ты забыл?

— Забыл что?

— Ничего, — она отвела взгляд и вышла на веранду. Илья не пошёл за ней. Он стоял посреди гостиной, оглушённый собственным вопросом. Кто такой дядя Коля? Он не знал. Но его язык знал. Его речевой аппарат произнёс это имя как само собой разумеющееся, словно оно было частью ка-

кого-то другого дня, другого разговора. К горлу подкатила тошнота, и он опустился на диван.

Остаток дня он провёл в тумане, балансируя между попытками успокоить себя рациональными объяснениями и растущей уверенностью, что рациональных объяснений нет. Лена проснулась через час и вела себя нормально — настолько нормально, что это тоже было подозрительно. Она общалась, смеялась, готовила ужин, но Илья не мог избавиться от ощущения, что смотрит спектакль для одного зрителя. В какой-то момент он поймал себя на том, что старается не поворачиваться к жене спиной, и от этого открытия стало по-настоящему страшно. Не так, как в кино, когда монстр выпрыгивает из темноты, а глубже, экзистенциальнее: страх перед тем, что самые близкие люди могут оказаться не людьми, а декорациями.

Вечер наступил слишком быстро. Солнце рухнуло за горизонт с такой скоростью, словно кто-то перемотал плёнку, и небо из голубого стало фиолетовым, а потом чёрным за считанные минуты, без закатного перехода, без золотой полосы. Илья стоял у окна и смотрел на эту стремительную тьму, и в стекле видел отражение комнаты — Лена накрывала на стол, Алиса раскладывала «Колонизаторов», — и отражение казалось более реальным, чем комната за его спиной. Он повернулся, и обе картинки на долю секунды не совпали. В отражении Лена стояла на метр левее, Алиса держала не ту карту, а потом всё встало на свои места. Илья зажмурился. Он не

будет кричать. Он не будет звать на помощь. Он справится.

Игра в «Колонизаторов» была пыткой. Не потому, что он проигрывал — он и не пытался играть, — а потому, что за всю партию никто не произнёс ни одного нового слова. Все реплики — про кубики, про ресурсы, про постройки — были теми же, что и... Когда? Он не мог вспомнить. Он не мог вспомнить, когда в последний раз они играли в эту игру, но диалоги казались выученными, как сценарий, который репетировали много раз. В какой-то момент Лена сказала: «Илья, твой ход», — и он вдруг понял, что она произнесла эту фразу точно так же, с той же микроинтонацией, что и... И его прошиб холодный пот. Он вспомнил. Он уже слышал эту фразу. Сегодня. Утром. Она сказала «Илья, твой ход» утром, хотя они не играли утром, они не могли играть утром, но она сказала это — он помнил. Или не помнил? Воспоминание было зыбким, как сон, ускользающим.

— Я больше не хочу играть, — сказал он и встал из-за стола.

Лена и Алиса посмотрели на него — одновременно, с одинаковым выражением лица, с одинаковым поворотом головы. Это было похоже на киноплёнку, где два актёра копируют одно движение.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросили они в унисон. Илья отшатнулся.

— Не надо, — сказал он, и голос сорвался. — Не надо так. Пожалуйста.

Лена встала и подошла к нему. Она коснулась его щеки ладонью, и ладонь была горячей, почти обжигающей, но жар сухой, неестественный, как от радиатора. Она заглянула ему в глаза, и в её зрачках он снова увидел то движение — что-то тёмное, копошащееся в глубине.

— Всё хорошо, — прошептала она. — Всё хорошо. Ты просто устал. Ложись спать. Завтра всё пройдёт.

Завтра. Это слово повисло в воздухе, и Илья вдруг понял, что не верит в завтра. Не в том смысле, в каком люди говорят «не верю в завтрашний день». Он не верил, что завтра наступит. Точнее, он верил, что наступит, но оно будет таким же, как сегодня. Тот же свет, те же тени, те же сырники с синтетическим запахом, та же солонка, поставленная четыре раза, то же «Илья, твой ход», те же зрачки жены с чем-то живым внутри.

Он разделся и лёг в постель. Лена легла рядом и почти сразу задышала ровно — слишком ровно, без переходов между бодрствованием и сном, будто выключатель щёлкнул. Илья лежал в темноте с открытыми глазами и слушал гул. Теперь он слышал его и с открытыми глазами. Низкий, утробный, ритмичный звук, доносившийся из-под пола, из стен, из потолка. Дыхание огромного зверя, спящего под их домом. Или огромного зверя, которым и был их дом.

Он не помнил, как заснул. Сон навалился внезапно, как обморок, — без постепенного погружения. Просто провал. И в этом провале он увидел то же самое, что и наяву: веран-

ду, залитую светом, Лену у плиты, Алису на лестнице, — но все они были неподвижны, замерли как статуи, и только глаза двигались, следили за ним. Он пытался бежать, но пространство было замкнуто, как лабиринт без выхода. В конце коридора стояло зеркало, и в зеркале он увидел себя — но у этого себя были глаза без радужки, просто белые шары с чёрной точкой зрачка посередине.

Он проснулся в холодном поту, в той же постели, в той же комнате. Солнце било в окно. За окном пел дрозд. С кухни пахло ванилью и чем-то горелым — палёным пластиком, палёной проводкой, палёным мясом. Лена стояла у плиты, спиной к нему, и напевала мелодию, которую он не узнавал, хотя она напевала её каждое утро.

— Доброе утро, — сказала она, не оборачиваясь. — Сегодня сырники особенно удались. Чувствуешь запах?

Илья сел на кровати. Он помнил. Он помнил всё — вчерашний день, каждую его минуту, каждую трещину. Это был тот же день. Тот же самый. Он не знал, как это возможно, но он знал это с той же несомненностью, с какой знал, что у него две руки и одно сердце. День повторялся. И что-то внутри него — что-то древнее страха, древнее надежды — поняло: это ещё не самое страшное. Самое страшное — что если день повторяется, значит, кто-то хочет, чтобы он никогда не кончался. И цель этого повторения — не его счастье.

Он встал, подошёл к окну и посмотрел на сад. Деревья стояли ровно, как солдаты. Тени лежали под неправильным

углом. Небо было выкрашено в слишком синий цвет. И где-то там, на границе участка, у леса, он увидел фигуру. Человеческую. Она стояла неподвижно и смотрела на дом. Илья замер. Фигура была слишком далеко, чтобы разглядеть лицо, но он знал, кто это. Он не знал имени, не знал, мужчина это или женщина, живой или мёртвый, но знал, что эта фигура имеет к нему прямое отношение. Он постоял минуту, глядя на неё, а когда моргнул — она исчезла. Только лес, ровные ряды деревьев и кислотная синева неба.

— Илья, завтрак стынет, — позвала Лена из кухни.

Он глубоко вдохнул воздух, пахнувший горелым пластиком, и пошёл на кухню. Он будет есть сырники без вкуса, пить кофе без запаха и смотреть в глаза жены, в глубине которых шевелится чужое. Он будет играть в эту игру. Пока не поймёт правила. Пока не найдёт фигуру у леса. Пока не узнает, кто дышит под полом. Впереди — много таких дней. Он это чувствовал. И с каждым разом рай будет становиться чуть ближе к тому, чем он является на самом деле.

Он сел за стол. Лена поставила перед ним тарелку. Сырники подгорели с одной стороны, но она этого не замечала.

— Вкусно, — сказал Илья и взял вилку.

Глава 2. Итерация 2: Трещина

Он сидел за столом и смотрел на подгоревший край сырника. Мысль о том, что этот сырник он уже ел — не похожий, а именно этот, с тем же подпалом и той же каплей масла на корочке, — пульсировала в основании черепа, как зубная боль, которая не уходит, даже если её заглушить. Он отрезал кусок и поднёс ко рту. Вкуса не было. Он чувствовал текстуру, температуру, отдалённый намёк на творог, но сам вкус — та химия, что превращает еду в удовольствие, — отсутствовал. Будто кто-то вырезал этот слой, оставив только механику жевания.

Лена пила зелёный чай — ровно двести миллилитров, восемьдесят градусов, две минуты сорок секунд заваривания. Он знал этот ритуал, но сегодня заметил: пар над чашкой не поднимался. Чай был горячим — она пила его маленькими глотками, не обжигаясь, — но пара не было. Словно воздух вокруг имел ту же температуру, что и жидкость. Илья перевёл взгляд на свою чашку с кофе — та же история: кофе горячий, пальцы чувствуют жар через фарфор, но над поверхностью не колышется ни струйки. Он отставил чашку и посмотрел в окно, надеясь найти там что-то, что вернёт ощущение нормальности.

За окном был сад. Тот же сад, что и вчера — или не вчера,

а в предыдущую итерацию. Деревья стояли на тех же местах, но Илья заметил то, чего не замечал раньше: на старой липе, что росла у самого крыльца, сук, который должен был быть обломан ещё прошлой осенью — он сам хотел его спилить, но так и не добрался, — этот сук был цел. Не просто цел, а покрыт свежей корой, словно никогда не ломался. Илья помнил, как в ноябре ветер сорвал с него большой кусок и как сук потом висел расщеплённый и жалкий. Он помнил это так же ясно, как помнил свои руки. Но сейчас сук выглядел здоровым, молодым. Это было невозможно биологически. Деревья не сращивают сломанные ветви за одну ночь.

— Я сегодня хочу поработать в саду, — сказал он, не поворачиваясь от окна. — Тот сук на липе надо спилить. Он с осени висит.

Лена поставила чашку на стол, и звук вышел не такой, какой должен быть: не глухой стук фарфора о дерево, а что-то более высокое, звенящее, будто стол был металлическим. Илья обернулся. Стол был деревянным. Лена смотрела на него с лёгким недоумением.

— Какой сук? Ты спилил его в прошлом месяце. Ещё сказал, что весной краска держаться не будет. А я тебе говорила: не лезь на стремянку в дождь.

Он молчал. Он не помнил, чтобы пилил этот сук. Он помнил другое: ноябрь, холод, расщеплённое дерево, мысль «надо в выходные», и выходные, которые так и не наступили. Воспоминание было ярким, привязанным к запаху прелой

листвы. У Лены — другое. Кто из них прав? Илья вдруг понял, что вопрос не в правде. Вопрос в том, что реальность з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.